

IV. РЕФЕРАТЫ

У.Дж.М. МАКЕНЗИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА¹

MACKENZIE W.J.M

Political science

Введение

1. Возникновение

Начало сознательному изучению политической жизни было положено в Греции в конце V в. до н.э. и продолжалось в последующие столетия. Исторические труды Геродота и Фукидида, некоторые из памфлетов, приписываемые Ксенофону, и прежде всего как эмпирические, так и нормативные анализы Платона и Аристотеля, – все это прямые предвестники современной политической науки. Труды,

¹ В 1968 г. по решению ЮНЕСКО отмечалось 150-летие со дня рождения К.Маркса. К этой дате в Париже готовился к печати труд международного коллектива авторов «Анализ главных тенденций в исследованиях наук о человеке».

Глава «Политическая наука» была написана известным английским политологом У.Дж.М.Макензи, автором вышедшей годом раньше в Великобритании монографии «Политика и социальная наука».

Сокращенный перевод выполнен с рукописного текста, привезенного членами советской делегации с торжеств в Париже по случаю юбилея К.Маркса, и опубликован в реферативном сборнике «Политическая наука» (М., ФБОН АН СССР, 1969).

посвященные изучению проблем политической жизни, могут быть обнаружены и в истории общественной мысли Китая, Индии, мусульманских стран. По-видимому, на определенных этапах развития великих обществ проблемы власти и руководства приобретали чрезвычайную важность, и усилия лучших умов, которыми использовались самые совершенные из наличных средства анализа, направлялись на изучение человека, рассматриваемого в фокусе политики.

Именно в этом смысле Аристотель назвал политику «королевой наук», определяя ее место в условиях современной ему действительности и в своей философской системе. Содержание, которое он вкладывал в это понятие, было гораздо шире того, чем занимается современная политическая наука; во всяком случае, речь шла не меньше, чем о всестороннем изучении человека в его нравственных и социальных отношениях. Через все аристотелевские суждения о человеке проходит утверждение, что человек – это главным образом «политическое животное», что экономические и социальные отношения обуславливаются политикой и что они имеют значение лишь постольку, поскольку подвержены воздействию политики. Именно этот вывод отличает протополитику (так можно назвать деятельность предшественников современной политической науки) от протосоциологии или прото-экономики, для которых человек является главным образом соответственно общественным или приобретающим (acquisitive) животным. Различные взгляды на человека и на его место в политической жизни общества в работах авторов в наше время переплетались друг с другом, накладывались друг на друга, создавая сложную структуру политической науки, где все взаимосвязано и постоянно находится в процессе изменения.

2. Объективность

Политическая наука не может развиваться в строго определенных и ограниченных интеллектуальных и социальных условиях; должна существовать установленная практика дискуссий, основанная на анализе и наблюдении; необходимо считаться с тем, что имеют место политические вопросы, решение которых достигается в столкновении аргументов, а не на основе традиции или авторитета. В этом смысле политическая наука обусловлена политическим характером общества.

Но поскольку дело обстоит именно так, и общество утверждает определенные интеллектуальные стандарты, специальной проблемы объективности политической науки, как и других дисциплин, не существует. Все науки развиваются в обществе, их открытия делаются

для общества и им используются. Политическая наука специфична не с точки зрения условий объективности, а с точки зрения природы ее материала. Из протополитики выделяются такие области знания, для которых сравнительно легко найти строгие критерии определения и верификации (демография, лингвистика, «праксеология» или микро-экономика, некоторые области психологии). Политической же науке остаются проблемы, решение которых не гарантируется лишь строгим соблюдением приемов научного метода; и специалисты в области политической науки хорошо понимают исключительность своего положения. Факты, с которыми они имеют дело, трудно осознать и интерпретировать, заключения, к которым они приходят, не могут не зависеть от окружающей обстановки, а их открытия (если они являются политически важными) будут «внедрены» в процесс политики насильственной рекомендацией. Все это несовместимо со скрупулезным соблюдением строго определенных методологических принципов: по существу это ведет к такому методу, где риск необходим и сознательно предусматривается. Поэтому естественно, что многое в текущей полемике о пределах человеческой разумности в политике должно рассматриваться как дискуссия о методе: вопрос «что доказывается чем?» («what proves what?») – это политический вопрос, если он взят в политическом контексте.

Разграничение сфер

Есть три способа разграничения области и сферы политической науки: по ее предмету, по цели и по методам. Эти категории взаимосвязаны, поэтому лучше трактовать их как измерения политической науки. Исторический факт, заключающийся в том, что политическая наука неотделима от политической жизни, означает, что возникновение полностью унифицированной политической науки обусловлено (и является условием) возникновением мира политики (polity). Последний, конечно, уже родился, но его существование все еще ненадежно... Сейчас еще можно отметить различия в структуре политической науки как отдельных стран, так и различных академических традиций. До некоторой степени эти различия могут быть ограничены (но не измерены) рамками трех измерений: предметом, целью и основаниями метода...

А. ПРЕДМЕТ НАУКИ

1. Роль определения

Возьмем, например, двух очень известных и в высшей степени влиятельных американских авторов: Т.Парсонса и Д.Истона. Первый характеризует политику как инструментальный аспект социальной организации (преднамеренное создание служащих определенной цели социальных структур), второй определяет политику как «регулируемое властью распределение ценностных норм». Марксистское определение во многом совпадает с трактовкой Парсонса, но оно разделяет также и свойственный XIX столетию взгляд, согласно которому политическая организация обязательно связывается с применением принуждения, а поэтому политический сектор или аспект жизни общества понимается как относительно второстепенный (subordinate).

В современной Англии наиболее популярным является, вероятно, определение, данное М.Оукшотом: политика – это процесс «забоченности общим согласием общества». Определение Оукшота – это часть сложной системы идей, поэтому невозможно адекватно анализировать его вне всего интеллектуального контекста.

Этих четырех примеров достаточно, чтобы показать, что если мы пытаемся дать определение политике, то должны либо исходить из какого-то принятого критерия, либо пройти перед этим весь курс политической науки в ее нормативном и дескриптивном вариантах. Более мудрым, очевидно, будет согласиться с афоризмом Э.Макинтайра, который, говоря об этике, заявил: «Вот почему не только бессмысленно, но и опасно начинать изучение с определения, которое может резко ограничить поле исследования»¹.

Следовательно, политическая наука начинается не с определения, а с методологического утверждения о том, что все человеческие общества имеют аспект, который в известном смысле может рассматриваться как политический. Интуитивно кажется бесспорным, что все общества характеризуются структурами родства, языка, техники, и совсем не так бесспорно, что все общества имеют политический аспект. Казалось бы, можно помечтать об обществе без политики, однако при

¹ MacIntyre A. A short history of ethics. – L., 1967.

некотором размышлении становится ясно, что и сама эта мечта является выражением политической заинтересованности.

2. Искусство управлять государством и политика без государства

До настоящего времени политическая наука как академический предмет, следуя западной традиции, была по существу частью образования и воспитания, а также и управления. Рост ее значения может быть прослежен на примерах греческих городов-государств (рассматриваемых греками как контраст с чуждым миром империй и диких племен), процесса превращения Римской республики в Римскую империю, упрочения «Вселенской» империи и «Вселенской» церкви в Средние века, особой роли городов эпохи Ренессанса, провозгласивших себя наследниками античного мира, возникновения современных государств и современной государственной системы в период Реформации. Центральной темой западной политической науки во всех этих случаях было «государство» (отнесем это спорное понятие к институту, который в каждый период проявлял юридическое и политическое верховенство). Такой тип политической науки лучше всего определяется словом *Staatswissenschaft*, что на английский язык можно перевести как *Statecraft*¹. Исторически это искусство ограничено, ибо имеет дело только с теми политическими институтами, которые всеобъемлющи и бесспорны в пределах лишь определенной территории и в рамках соответствующей культуры.

С другой стороны, область изучения этой науки не имеет границ. Европейская система государств развилась в мировую систему, признав жизнеспособность азиатских и африканских государств, число которых теперь превышает число западных; эта мировая система охватывает целый комплекс как институтов, так и политических отношений. Науку о развитии государств необходимо освободить от влияния западной традиции...

За выдающимся исключением В.Парето, до 50-х годов нашего столетия политический анализ не увязывался с экономикой. Но это обстоятельство увеличивало степень разработанности политической социологии и социальной психологии, существенно пополняя их словарь и совершенствуя методы...

¹ *Statecraft* – искусство управления государством.

Следует добавить (хотя это и совпадает до некоторой степени с вышеупомянутыми причинами), что новые методы изучения небольших групп, взятых в различных обществах и в различных условиях, оказались весьма уместными и для политической науки. Первоначально вполне естественен анализ политики больших государств через изучение великих движений и значительных социальных сил, но позднее приходит переоткрытие той очевидной истины, что на вершине любой политической системы, какой бы большой она ни была, решающими оказываются взаимодействия людей в небольшой (face to face – буквально, лицом к лицу) группе. Например, это можно отнести к группе Ленина и его ближайших сотрудников. На самых низших слоях системы непосредственные личные общения «маленьких людей» являются, пожалуй, не менее существенной частью пропаганды, чем соответствующие государственные учреждения. Специалисты политической науки, анализируя события политической жизни, используют открытия и методы микросоциологии, социолингвистики и социальной антропологии, а также в равной мере макросоциологии больших обществ.

3. Направленность интереса

Таким образом, веские доводы уводят политическую науку от искусства управления государством к изучению политики без государства... Все усиливающийся процесс «специализации» наук может служить улучшению их технических приемов и в то же время вынуждает к возобновлению связей между политикой, экономикой, социологией и социальной психологией на «макроуровне», уровне, при котором решение проблем неотложно, крайне важно, но неопределенно: таким образом, наиболее трудная задача заключается в том, чтобы определить, как эти глобальные проблемы низвести с высот, специализировать их, для того чтобы разрешить. Вряд ли стоит говорить, что полученный таким путем узкоспециализированный материал будут включать в себя проблемы философии и идеологии, которые ни в коей мере не являются нейтральными, а также и наук, специализирующихся на использовании данных статистики и эксперимента.

Такой процесс специализации предполагает использование прошлого опыта и, возможно, научной логики. Сконцентрированность современной политической науки только на изучении государств и проблем, вытекающих из их организации, придает ей юридический характер и потому в известном смысле делает ее произвольной и искусственной. Современная политическая теория граничит с политиче-

ской философией, и обе эти дисциплины похожи в том, что они воздерживаются от метафизических спекуляций, поскольку тесно связаны с эмпирическим изучением практики политики. В то же самое время эта связь между эмпирической разработкой и огромной значимости политическими вопросами отсеивает дескриптивное исследование, которое научно и практически тривиально.

Такой специфической смесью (mix) различных аспектов при решении какой-либо проблемы и определяется ценность современной политической науки; без сомнения, среди признанных ученых в области политической науки господствующим является мнение о необходимости поддержать и сохранить эту смешанность. Прочитируем высказывание профессора Карла Дойча (в этой цитате он употребляет термин «политическая теория» в противоположность термину «политическая философия», чтобы подчеркнуть концептуальную сторону политической науки как номотетической дисциплины): «Политическая теория – это не только область исследования, постигаемого абстрактным мышлением, но организованная система человеческой мысли... Она создает социальные инструменты исследования, включая фонд общей памяти, фонд более или менее знающих посредников (referees) и обозревателей, равно как и точную или подразумеваемую сеть норм, позволяющую судить о качестве и уместности вновь сделанной работы. Во всех этих аспектах политическая теория является точно установленной дисциплиной в противоположность специально созданной для этой цели (ad hoc) области межнаучного сотрудничества...»¹.

Западная политическая наука исторически была тесно связана как с философией, правом и историей, так и с социологией, психологией и экономикой. Вне всякого сомнения, сейчас она склоняется в сторону последней группы наук, однако не все здесь проходит гладко. Для объяснения можно привести самые разные аргументы: первое – это тот факт, что в университетах основной упор делается на преподавание философии, права, истории, и потому от их влияния нелегко избавиться; второе – для общественных наук губительной явится утрата контакта с указанными старейшими дисциплинами, и потому в интересах политиче-

¹ Deutsch K.W., Rieselbach L.N. Recent trends in political theory and political philosophy // Suppl. to the Annals of the Amer. acad. of the polit. a. social science. Philadelphia, 1965. Vol. 360. — P.141.

ской науки сохранять этот связующий мост; третье – можно доказать, что политическая наука (подобно социологии и экономике в их современной форме) опирается на заинтересованность. Изучающие политическую науку в первую очередь увлекаются анализом проблем государства и мировой системы государств. Побуждаемые этим стимулом, они готовы признать, что прогресс в изучении может быть достигнут за счет мастерского владения техникой науки и сотрудничества с другими дисциплинами. Политическая наука, ядро которой составляет практический интерес, никогда, однако, не понимаемый узко ограниченно, может быть весьма ценной в качестве дисциплины, связывающей структуру общественных наук.

В конце концов, проблема государств, их будущего (сюда включаются все государства – капиталистические и социалистические, старые и новые) настолько значительна и представляет такую важность для человечества, что для своего исследования она требует всеобъемлющей (fully-organized) дисциплины.

4. Политическая наука как обучающая дисциплина

Следует напомнить (хотя это и выходит за пределы настоящего исследования), что политическая наука является в такой же мере обучающей дисциплиной, как и исследовательской. Возможно, для одного из двадцати (и даже больше) изучающих ее она будет исследовательской работой, остальные же в большинстве своем займут очень значительные посты как в системе управления, так и обучения. В принципе весь процесс образования вносит вклад в пополнение политической культуры, однако политическая наука имеет в этом отношении особую ответственность как перед конкретным обществом, так и в деле совершенствования политики в мировом масштабе. Любая наука выполняет интернациональную функцию, политическая же наука делает это сознательно на основе анализа политической ситуации.

Приведенные аргументы, по-видимому, убеждают в том, что дискуссию о политической науке следует вести вокруг понятия «искусство управления государством», а не вокруг понятия «политика без государств»; именно такая линия будет развита в данном исследовании. Однако замыкаться нельзя, и специалист в области политической науки постоянно должен быть в курсе работ представителей других общественных наук.

Б. ЦЕЛИ

Политическая наука рассматривается здесь как номотетическая дисциплина в ряду общественных наук. Ее характер как общественной науки определяется тем, что она стремится открыть законы жизни общества и в известной степени успешно это делает. И хотя некоторые специалисты политической науки заявляют, что эта дисциплина интересуется исключительно общими законами, нельзя забывать, что политическая наука в такой же мере является идеографической и нормативной дисциплиной, как и номотетической.

1. Идеографичность

Политическая наука как искусство управления государством имеет дело с уникальным ансамблем – мировой системой государств (что-то около 130)¹, каждое из которых (большое оно или малое) возникло в своей специфической ситуации и сформировало свою характерную сеть институтов.

Специалист политической науки, изучающий какую-то одну страну и собирающий о ней материалы, стремится не только к тому, чтобы установить ее историческую и географическую уникальность; он будет также искать общее в особенном, что делается двумя способами.

1. Каждая нация или страна уникальны, но их можно описать (как и отдельного индивида) в рамках соответствующих обобщений манеры поведения. Нация или индивид являются с этой точки зрения моделью поведения, весьма устойчивой по отношению ко времени; знание модели обычно достигается без строгого метода, но оно тем не менее является основой прогнозирования, которое может оказаться правильным или ошибочным (falsified).

2. В процессе анализа специалист политической науки пользуется общим запасом понятий, которые не являются специфической собственностью политической науки. Эти концептуальные инструменты могут быть формализованы, например, в теорию игр и в теорию информации, но они применяются скорее для того, чтобы расположить аргументы в определенной структуре, а не для формулирования гипотезы.

Всякий раз возникает разногласие по поводу использования отдельных случаев как основы для создания общей теории. В принципе

¹ Напомним, что текст был подготовлен в 1968 г. Сейчас в составе ООН представлено более 180 государств. – Прим. ред.

общие и частные теории политического общества должны предлагать такие гипотезы, которые можно было бы проверить в конкретном случае, при изучении отдельных государств, а результаты такой проверки «вливались бы снова» в структуру теории. В известном смысле именно так это и происходит, например, внедрение в политику исследований по проблемам авторитарной личности. Государства сами, однако, дают мало возможностей для исследований, во-первых, потому что их слишком много, а каждое в отдельности не характеризует всей целостности комплекса, во-вторых, потому что формирование и проверка эффективности гипотез требуют большой осторожности и точности, в то время как «рынок» политической науки требует полезных обобщений, сделанных ясным языком и в короткий срок. Предпринимаются очень серьезные попытки для преодоления этих трудностей; сравнительный анализ политики очень существенно прогрессировал в научной изоэдренности за последние 15 лет. Однако до сих пор цель сравнительного изучения отдельных случаев заключалась, скорее, в интуитивном анализе, чем в установлении законов.

2. Нормативность

Необходимо установить два точных смысла, в которых политическая наука может трактоваться как наука нормативная.

1. Во-первых, политическая наука специально имеет дело с изучением норм самых различных типов. Каждая политическая система связана с окружающей средой и обусловлена экономикой, однако система сама по себе, т.е. сеть политических институтов, существует главным образом как система норм...

2. Во-вторых, политическая наука может быть нормативной в том смысле, что она пытается предлагать правителям и гражданам некие рецепты поведения.

Многие ученые связывают с этой дисциплиной надежду на то, что политическое знание облегчит людям гораздо больший контроль над их политической судьбой; деятельность специалиста политической науки, по их мнению, оправдывается ее практической выгодностью, которую можно использовать на всех уровнях, начиная с области мировой политики и кончая частными проблемами эффективности и человечности различных общественных или государственных учреждений. На другом полюсе находятся те, кто энергично возражает против такой трактовки роли политической науки, считая ее нарушением назначения науки находить объяснение и делать его достоянием всех, предоставляя при

этом людям то, в чем они нуждаются, исходя из своих собственных политических целей.

Между этими полюсами можно расположить целый спектр различных взглядов, однако общепризнано, что эта дисциплина неотъемлема от политики государств и что каждый политолог должен опираться на свои собственные моральные и интеллектуальные нормы.

3. Номотетичность

Известные противоречия существуют и по вопросу о том, можно ли считать политическую дисциплину номотетической наукой. Взгляды и в этом случае полярно противоположны. С одной стороны (например, в работах М.Оукшота), это уверенность в том, что политика по существу – это политическое искусство, и потому научные обобщения, являясь по своему характеру обязательно абстрактными, совершенно бесполезны как руководство к действию; на другом полюсе, с другой стороны, находятся те (можно назвать Дж.Кэтлина, Г.Ласуэлла и К.Дойча), которые вот уже в течение многих лет утверждают, что политическая ситуация современного человечества требует развития такой политической науки, которая была бы вооружена методами точного научного анализа. Однако большинство ученых ищет примирения, рассматривая конструктивные положения каждого из этих полярных взглядов, но резко отрицая их взаимную враждебность.

С одной стороны, следует согласиться, что политическая наука – это одна из точных наук о человеке. По Максиму Веберу, ее целью является *Verstehen* (понимание), т.е. стремление заглянуть внутрь, в глубину. Очень много говорят о «бихевиоралистской убежденности» политической науки, но слово «поведение» (*behaviour*) употребляется здесь несколько в ином смысле, чем в бихевиористской психологии. По терминологии профессора Пиаже, политические бихевиористы изучают образ действий (*conduite*), а не внешнее поведение (*comportement*). Делать по-другому было бы абсурдом.

С другой стороны, трудно обнаружить кого-либо, кто отрицал бы всерьез утверждения о том, что в настоящее время политическая наука столь важна для человечества, что для ее совершенствования необходимо применение новейших интеллектуальных методов, что практическая политика и академический курс политики очень проигрывают от небрежности своего языка и метода, что любое академическое профессиональное изучение политики должно поднять ее до современного уровня, обычного для других наук. Правда, надо сказать, что все прогрессирующие науки все больше обращаются к математике, развивают и совершенствуют технику количественного измерения.

Могут спросить, а какие законы научного порядка открыты политической наукой? Специалисты политической науки охотнее называют тенденции и синдромы, чем законы. Теперь не принято говорить о законах политики как «железных законах», подобно «железному закону

олигархии» Михельса или некоторым негибким интерпретациям политической мысли Маркса. Но в целом в течение последних 50 лет обозначились тенденции (следуя ключевым положениям Фукидида, Аристотеля, Макиавелли, Харингтона, Монтескье и также Маркса) к тому, чтобы трактовать каждую политическую систему как взаимозависимое целое, в рамках которого взаимодействуют экономические, социальные и политические факторы. Это ни в коей мере не означает, что в сфере науки легко перейти от «корреляции» к «причине» и «объяснению», однако очень многое было сделано для того, чтобы поместить эти корреляции в рамки того, что не очень удачно называется процессом модернизации.

Можно также проследить факторы, оказывающие взаимное воздействие друг на друга в пределах отдельной политической системы. Например, в Англии господство двух главных партий объясняется тем, что при всем плюрализме возможностей избирается только один кандидат (of single member plurality elections), и потому с большой уверенностью можно предсказать, что взаимозависимость этих двух институтов не нарушится. Если только не вмешаются какие-либо необычные обстоятельства. Точно так же нетрудно предсказать на основе существующей статистики, что в 1968 г. произойдет известное число военных государственных переворотов, что в определенных государствах ситуация неустойчива. Искусство политического предвидения ограничено в своих возможностях дать классификацию определенного порядка и очередности событий и не всегда может учесть факторы, уже вступившие в действие. Это искусство может стать более «научным», если усовершенствовать методы определения наших возможностей при измерении степеней вероятности. Данные методы могут быть улучшены и дальше, но сфера политического предвидения обязательно остается ограниченной. Эта наука имеет дело как с единой мировой системой государств, так и с отдельными государственными системами, являющимися ее компонентами, каждый из которых изменчив, как погода в Атлантике; тенденция же политического предвидения состоит в установлении в непредвиденной до сих пор степени обратной связи в политике как самоосуществляемого или самоаннулируемого пророчества.

В. ОСНОВАНИЯ МЕТОДА

В трудах основателей политической науки от Фукидида до федералистов можно выявить три главных направления, которые обосновы-

вают методологические приобретения и определяют тактику анализа – это доктрина стадий, доктрина экологии и метод сравнения.

1. Стадии

Трактовка доктрины стадий как метода анализа, а не закона, может показаться произвольной; чаще эта доктрина действительно рассматривалась как закон. Но в каком бы смысле она ни понималась, она всегда была отягощена идеологией и только в последнее время от нее освободилась.

В античном мире доктрина стадий была цикличной, т.е. усматривала в развитии общества некие циклы, считая, что золотой век для мира миновал, мир направляется к упадку, а вместе с ним – вырождается и политическая добродетель, которую может привести к новому возрождению какой-либо катаклизм. С XVIII в. эта доктрина стала доктриной прогресса: каждая новая стадия вырастает на фундаменте предшествовавших, мы лучше наших отцов, дети же перегонят нас...

Греки постулировали последовательность плохих и хороших режимов: монархия → тирания → аристократия → олигархия → демократия → охлократия. Цель политической науки сводилась для них к тому, чтобы найти способ остановить колесо на счастливом номере, наша же цель – сделать его вращение более быстрым, чтобы достичь кульминационной точки, в отношении которой мы все еще оптимисты. По-видимому, правильнее говорить здесь о «приобретениях», а не о «гипотезах». Разве могут они быть опровергнуты, если не принимать в расчет бесконечное и изменчивое время?

2. Экология

Далее утверждается, что политика взаимосвязана с обществом, общество с окружающей средой. В современной политической науке эта доктрина взаимосвязанности является главным источником всех гипотез об обусловленности политической жизни; в наше время мастерство исследователя в очень значительной мере состоит в установлении корреляций, которые соответствуют гигантскому калейдоскопу структур и изменений в политическом обществе.

3. Сравнение

Для греков и римлян, как и для нас, политическая наука была сравнительной политикой. Политическая наука начиналась там, где замечалось, что другими людьми правят не так, как нами. Почему? Что лучше? «История» Геродота – это в очень значительной мере попытка (скорее поэтическая, чем научная) сравнить и противопоставить

политические режимы различных греческих городов, а все греческие города – рассмотреть как пример единого типа правления в противоположность правлениям в империях и племенах. Похожие сравнения и размышления можно найти в древнееврейской и исламской литературах, однако, по-видимому, неразумно называть эти попытки «научными» до появления работ Монтескье. «Дух законов» – это тоже скорее поэтическое, чем научное произведение, тем не менее, аргументы здесь определяются процессом построения модели и поиском ключевых примеров.

Очень долгое время употребление этого типа модели, названной Марчем (J. March) «непосредственной (sensible) литературной моделью», было характерной чертой политической науки. Такая техника, небрежно употребляемая, могла привести к очень обманчивым результатам, поскольку она зависит от ясности утверждения и осознанности поиска примеров, что неприемлемо для «первых шагов» гипотезы. Но речь здесь не идет об ошибочности самого метода, если только он строго соблюдается.

4. Новые изменения

Политическая наука все еще развивается главным образом в этих пределах, соотнося гипотезы с основными постулатами об обусловленности изменений и социальной взаимосвязанности и употребляя литературные модели как основу для сравнения. Однако за последние годы произошли три существенных изменения.

а) Язык переменных. Первое из них – появление языка переменных, что способствует разработке проблем, скорее в направлении снизу вверх, чем наоборот.

б) Строгость в использовании моделей. Вторым изменением является растущая убежденность, что модели, коль скоро они употребляются, должны использоваться очень строго. Вначале существовала определенная антипатия к символическому употреблению моделей, но зато теперь признается почти всеми, что волшебство заключается в строгости, а не в символизме. Символизм может или не может быть полезным – это зависит от ситуации. Во всяком случае, символы, особенно если они недостаточно определены и неправильно употребляются, могут быть такими же туманными, как и слова. На практике проблема заключается не в том, что налицо противоречие слов и символов, а в сознательном определении степени строгого соответствия предмету, материалу исследования и всем тем источникам, которые доступны.

в) Материал исследования. Наиболее трудные проблемы сейчас возникают при определении пригодности и достоверности материала исследования. С 1945 г. началась «революция информации» в том смысле, что теперь огромные количества материала могут быть собраны и проанализированы с помощью электроники. Технически нетрудно собрать весь доступный политический материал, касающийся всего мира, на перфокарты ЭВМ, соединить с другими ЭВМ и перфокартами; исследования, сделанные на основе такого анализа, могут быть вполне традиционными по характеру, такими же, какими они были задолго до этого. Но появляются серьезные проблемы, касающиеся достоверности и совершенства материала исследования.

Профессор Карл Дойч перечисляет семь основных категорий исходного статистического материала, это данные:

- о политических элитах;
- об общественном мнении;
- статистика голосования населения;
- статистика голосования в различного рода учреждениях (assemblies);
- анализ содержания исходных данных;
- совокупный материал, выпускаемый правительствами, что является всеобъемлющей частью административного процесса;
- исторические данные.

К этим семи категориям, впрочем, позже он добавил:

- статистика, которая берется из других общественных наук;
- вторичная статистика, появляющаяся на основе анализов первичных данных, производимых ЭВМ.

Однако упор на статистику может оказать «искаженное» воздействие на исследование. Очевидным следствием доктрины стадий является то, что в высшей степени минимальны и менее всего достоверны данные, поставляемые беднейшими странами, и даже в богатых странах эти данные меньше всего подходят для тех сфер (например, анализа семьи), которые еще не поглощены полностью «модернизированным» обществом. А ведь оба эти сектора чрезвычайно важны для политики, но изучаться они должны с применением совсем другой техники.

Мы начали говорить в первую очередь о накоплении всеохватывающего (world) материала политических индикаторов, однако нельзя забывать, что такой материал, конечно, должен быть увязан с экономическим и социальным материалом; по-видимому, пути экономического и

социального накопления материала не одинаковы. С научной точки зрения было бы правильным трактовать все эти проблемы всеохватывающего материала в тесном единстве, не отдавая предпочтения политической науке.

Сокр. перевод *Л.Н.Верченова*